

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ В СЕМЬЕ КАК ФАКТОР СТРАТЕГИЙ ЗАНЯТОСТИ И ОРГАНИЗАЦИИ ДОМОХОЗЯЙСТВА

Татьяна Лыткина¹

Сыктывкар

При изучении жизненных стратегий населения в рамках проекта экономической инволюции² было выявлено, что социальное и экономическое развитие семьи во многом определяют женщины. Проект по изучению гендерных различий на рынке труда³ позволил углубить изучение проблемы значимости участия обоих супругов в выработке семейной стратегии и решении злободневных проблем. По мнению одних ученых, экономическая активность россиян связана с возрождением домохозяйства как хозяйственной единицы [4]. Другие исследователи, напротив, полагают, что это отражение ситуации в сфере производства [10]. Для семьи значимы любые источники дохода, как в сфере домохозяйства, так и в сфере производства. При этом женщины активны прежде всего в организации домашнего хозяйства. Они используют всевозможные каналы его обеспечения, в том числе государственную помощь и оплачиваемую занятость. Этим объясняются их заниженные профессиональные притязания, а также то, что опасения "безработицы с женским лицом" были

¹ Татьяна Лыткина – научный сотрудник сектора экономической социологии ИСЭПС КНЦ УрО РАН. Электронная почта - lytkina@online.ru. Мне бы хотелось выразить глубокую признательность за обсуждение и критические замечания, за поддержку и дружеское участие Саре Ашвин, Марине Киблицкой, Ирине Тартаковской, Светлане Ярошенко. Я благодарна М.Буравому и П.Кротову, работа с которыми стала отправной точкой к размышлениям, представленным в статье.

² Проект осуществляется под руководством профессора социологии Калифорнийского университета (Беркли США) М. Буравого совместно сотрудниками Института экономических и социальных проблем Севера КНЦ УрО РАН.

³ Проект «Гендерные стратегии занятости» осуществляется при финансовой поддержке INTAS (грант – 97-20280), руководитель проекта – Сара Ашвин.

напрасны [1]. Мужчины в поисках доходов, как и прежде, пытаются больше проявлять себя за стенами родного дома.

Объясняются ли данные типы поведения только культурно-обусловленными, социально-одобренными и распространенными стереотипами «мужественности» и «женственности»? Почему стратегия семейного выживания возрождается и воспроизводится женщинами? Почему мужчины гораздо активнее женщины в поисках заработков и при их отсутствии становятся лишними и деморализованными, играют вторые роли в семье? Наконец, почему женщины менее амбициозны на рынке труда, чаще соглашаются на снижение профессионального статуса и оплаты труда? Чем и кем определяется такого рода занятость?

Настоящая статья является попыткой объяснить феномен вынужденной мужской мобильности и «безынициативности» женщин на рынке труда в сочетании с высокими организационными способностями в области домашнего хозяйства. На наш взгляд, перераспределение власти является одним из наиболее важных изменений в семейной жизни последних лет. Жесткое гендерное разделение труда, основанное на четком распределении обязанностей, приводит к ответственности за поле деятельности, закрепленное за мужчиной и женщиной. Именно совокупность обязанностей и ответственности – результат гендерного порядка – выливается в некий нематериальный ресурс и обеспечивает власть. Она предоставляет право женщинам предъявлять требования по поводу исполнения своих желаний, диктовать условия и целенаправленно изменять поведение членов семьи, подчиняя их своей воле, а также распоряжаться семейными ресурсами. Мужчины, в свою очередь, как правило, «покупают» свою бездеятельность дома, обеспечивая себе тем самым «удобную» жизнь в кругу семьи. В период неурядиц, катаклизмов происходит обесценивание мужского ресурса, в то время как женщины вырабатывают механизмы адаптации, способствующие выживанию семьи, соответственно расширяя свои полномочия.

Гендерное измерение сфер деятельности и властных ресурсов стало возможно благодаря использованию качественных методов, позволяющих уловить и описать реальную повседневную российскую практику. Статья написана на основе глубинных интервью с респондентами, которые обратились в органы социальной защиты Сыктывкара и получили статус нуждающихся. Для адекватного изучения женских и мужских стратегий на рынке труда в выборочную совокупность мы постарались включить примерно одинаковое количество представителей обоих полов. Всего опрошен 61 человек, из них 30 мужчин, 31 женщина. Примерно половина опрошенных – 32 респондента – на момент опроса состояли в браке, 8 мужчин и 11 женщин разведены либо никогда не состояли в браке.

Проектом было предусмотрено поэтапное лонгитюдное исследование методом глубинных интервью через каждые шесть месяцев. Дополнительную информацию дали наблюдения исследователя над респондентами в привычной для них обстановке. В интересах исследования основной акцент был сделан на супружеских парах.

Социальный рост наших респондентов заторможен низким уровнем образования, отсутствием социально полезных связей и материальных ресурсов. Экономические проблемы, на первый взгляд, должны были стимулировать совместное решение проблем. Безработица или низкая заработная плата мужа могли способствовать активизации женщин на рынке труда и "возвращению" мужчин в семью. Помощь мужа по хозяйству могла бы положительно повлиять на природу семейных отношений. Для женщин окунуться в сферу поиска высоких доходов означало бы возможность получения экономической независимости, достоинства и самоуважения. Однако до сих пор мы наблюдаем болезненную реакцию мужчин при смене ролей и отношение женщин к работе как к периферийной части жизни.

Немного о прошлом

Благосостояние населения в советское время обеспечивалось не столько инициативой и устремлениями людей, сколько советской трудоцентристской идеологией и эгалитарной практикой. Уже в 1918 г. первая Конституция советского государства предоставила женщинам равные права с мужчинами во всех сферах хозяйственной, культурной и общественно-политической жизни. Женщинам было «позволено» участвовать в сфере производства, сохраняя за собой семейную сферу, ответственность за рождение и воспитание детей. В результате экстенсивного развития экономики, индустриализации и урбанизации женщины активно вовлекались в сферу производства, предпочитая режим неполной занятости, гибкий график работы и не претендуя на руководящие должности.

Функциональный смысл социалистической трудовой морали – высокие трудовые затраты при низком материальном вознаграждении – обусловил обязательную включенность в сферу производства обоих супругов. Дефицит товаров и отсутствие различий в заработной плате формировал типично «советский», доступный большинству рядовых граждан образ жизни. Работающие супруги обеспечивали себе «безбедное» существование без особых усилий. Всеобщая трудовая повинность, низкие стандарты потребления, равенство материального достатка, социальная стабильность и вера в безбедное будущее сводили к минимуму разногласия в семье по поводу материального обеспечения.

Экономические ресурсы современной семьи с трудом позволяют поддерживать привычный образ жизни и не всегда достаточны для удовлетворения новых потребительских стандартов и возросшего уровня притязаний. Это свидетельствует о нереальности для большинства женщин стать «счастливыми домашними хозяйками»¹ [9] и необходимости полно-

ценного включения в оплачиваемую занятость [2]. В то же время женщины традиционно сохраняют за собой «право» ведения домашнего хозяйства. Они были и остаются хранительницами домашнего очага, при этом они не только стирают, убирают, готовят пищу, но и определяют поведение членов семьи, семейную «политику» в целом. Такое раздвоение женского предназначения выдвигает особое требование к работе – возможность совмещения двух названных функций.

Замена административных механизмов распределения ресурсов рыночными вызвала трансформацию в балансе ответственности государства и отдельного члена общества за обеспечение материального благополучия. Профессиональные чаяния женщин по-прежнему отодвигаются на второй план. В случае ухудшения материального положения семьи они реагируют не поисками высокооплачиваемого места работы и подработок, а стремлением сэкономить ресурсы, расширить сеть родственного обмена и, наконец, обратиться за помощью к государству. Мужчины, исключенные из ведения домашнего хозяйства в силу женской активности и вытесненные из сферы производства, ослабили свое бывшее лидерство – главы домохозяйства и роли основного кормильца.

Под гнетом недовольства жен, а также не умея и не желая вклиниться в домашнюю экономику, где доминирует женщина, они не способны стать ей помощниками и нести бремя нынешних лишений в равных долях. Но и женщины рассматривают мужей в первую очередь как тех, кто должен обеспечивать семью. Мужчине приходится балансировать между неурядицами на производстве и дома, испытывая на себе двойной прессинг. И тут уж легче справиться с производственными проблемами, чем с назревающим семейным конфликтом. В случае совмещения проблем на производстве с проблемами в семье нередко возникает безвыходная ситуация [7]. Неисполнение женских желаний грозит мужчине подавлением со стороны жены. Напротив, высокий стабильный заработок мужа компенсирует все его недостатки. Супруги выбирают стратегию наименьшего сопротивления, что в конечном итоге приводит не к отношениям поддержки и взаимопомощи, а к использованию друг друга (что напоминает игру в «перетягивание каната»). Таким образом, достигается «равноправие», которое характеризуется не предоставлением равных возможностей, а воспроизводством традиционных типов поведения. Если все-таки, несмотря на традиционные взгляды, женщины берут на себя функцию роли кормильца на длительное время, в лучшем случае происходит обмен ролями: (мужчины выполняют женские обязанности, а женщины – мужские), в худшем – мужчины оказываются полностью деморализованными и подавленными. Суть этих отношений – подчинение одного пола

¹ Наше исследование показало, что и при условии достаточных материальных ресурсов женщины в своем большинстве (70 %) не хотели бы «сидеть» дома. В то же время, по мнению большинства респондентов, основным кормильцем в семье должен быть мужчина. Участие женщин в сфере оплачиваемого труда обеспечи-

вает ей материальную независимость от мужа и дополнительный источник обеспечения для семьи.

другим, при этом мужчины нередко оказываются исключенными из сферы труда (производства), домашнего хозяйства и, наконец, жизни¹.

Цель данной статьи не в том, чтобы еще раз продемонстрировать дискриминацию женщин (о дискриминации противоположного пола у нас говорить до сих пор не принято). В фокусе нашего внимания – баланс властных отношений, распределение власти в семье, которое определяет поведение мужчины и женщины в семье и на рынке труда. Мы попытались описать ежедневную реализацию наиболее ярко выраженных стратегий в семьях официальных бедных. Избранные пары по чистой случайности оказались стандартными семейными парами, т.е. состоят из родителей и двух несовершеннолетних детей. Каждая из опрошенных женщин включена в сферу оплачиваемого труда и несет ответственность за организацию и ведение семейной жизни. Иными словами, на основании данных интервью можно говорить о сохранении советской модели взаимного обеспечения семьи и женской ответственности за ведение домашнего хозяйства. Первый случай более всего сохраняет в себе атрибуты прошлого: мужчины в качестве кормильца и женщины как хозяйки и помощницы в обеспечении. При высоких доходах мужа она предпочитает использовать ряд женских ухищрений, подыгрывая установленному мужскому порядку, лишь бы добиться своей цели. Если ее муж «недотягивает» до статуса кормильца, она выбирает жесткие способы воздействия на него, не считаясь с его личными интересами. Во втором случае в роли кормильца оказывается женщина. Мужу не удалось сохранить свою позицию в семье, а следовательно, он стал бесполезным ее членом. В результате семья, первоначально созданная как хозяйственная единица, развалилась. И, наконец, третий случай, когда оба супруга пытаются в равной степени отвечать за обеспечение семьи и ведение домохозяйства. В сочетании прежних и новых норм распределения обязанностей отражаются советские и современные практики семейных решений. Поэтому каждый из описанных случаев скорее является дополнением общей картины, чем отдельным самостоятельным типом.

**Дима и София:
Власть «слабой»
женщины,
или гипертрофиро-
ванная роль
кормильца [11]**

Молодая пара (ему 34, ей 29) имеет сыновей 11 и 9 лет. После окончания средней школы в 1983г. Дима попытался поступить в университет на юридический факультет. Его желание было вызвано не столько получением высшего образования, сколько подражанием старшему брату и сестре. После неудачной попытки он вернулся домой и устроился работать на машинострои-

тельное предприятие слесарем. Профессию Дима приобрел непосредственно на производстве. Его трудовая биография была прервана службой в рядах Советской Армии. После демобилизации он вернулся на предприятие.

София на пять лет моложе мужа. В школе она не прилагала особых стараний к получению знаний, а получение высшего образования и вовсе не входило в ее планы. После окончания школы София поступила в училище и получила специальность оператора автоматических линий. Свою будущую трудовую биографию видела на одном из престижнейших предприятий города – мебельной фабрике.

Летом 1988 г. они познакомились, а в январе 1989 г. решили пожениться. Софии было тогда всего 17 лет. Дима, молодой и влюбленный, ждал первенца. Молодая жена воспринимала жизнь в розовом свете: «Свадьба, друзья, шампанское... Я считала себя самой счастливой». Ослепленная любовью, она желала во всем угождать мужу, лелеять и заботиться о нем, как о ребенке. Она строила планы о счастливой семейной жизни, идеализировала свои отношения с мужем и будущими детьми. Свой дом она представляла уютным семейным «гнездышком». «Я хотела, чтобы, когда возвращался домой муж, в доме было приготовлено, чисто».

Четыре года они прожили вместе с родителями мужа, за это время она окончила училище, родила двух сыновей. Вскоре после этого родители получили квартиру и переехали. София и Дима остались в старой квартире и стали ее полными хозяевами. До этого времени домашнее хозяйство вела свекровь, мать Дмитрия. Молодые лишь подстраивались под установленные ею «правила игры». На Софии главным образом лежала обязанность воспитания и ухода за детьми. Со стороны Димы ожидали обеспечения семьи. Он сразу же перешел работать в другой цех на менее интересное и менее привлекательное место: «Денег перестало хватать, поэтому я перешел в другой цех, тоже слесарем, на работу, где вообще не требовалось умственных усилий. Работа тупая, но платили больше. Работа однообразная, монотонная, не интересная».

Они много отдыхали, проводили совместные праздники и походы с друзьями. Много читали, основным хобби семьи была покупка книг – основная страсть Дмитрия. И он ориентировал семью на свое пристрастие. Одновременно жена получала навыки домохозяйки. «Я, честно говоря, даже готовить не умела. Меня этому учил Дима. Стоял рядом и говорил, что за чем класть в кастрюлю». Она не была заинтересована в самостоятельном заработке и полностью зависела от мужа, такое распределение ролей устраивало обоих. Их отношения носили доверительный характер, они делись проблемами и искали способы их решения, строили планы. «Мы сидели и спокойно обсуждали происходящее в нашей жизни...»

В 1992 г. ситуация на предприятии резко ухудшилась. Рабочие длительное время не получали своей мизерной заработной платы. Материальные трудности семьи были решены трудоустройством мужа на новое предприятие (жена предпочитала заниматься домашним хозяйством и не имела желания устраиваться на работу). Переход был для Димы тяжелым психологическим испытанием, однако переживания оказались напрасны: он легко влился в трудовой коллектив, более того, новая работа была гораздо прибыльнее предыдущей, заработная плата возросла в 10 раз, появились высокооплачиваемые приработки, которые в свою очередь вдвое превышали официально получаемую зарплату на предприятии. «Денег были полные карманы. Я приходил домой в любом состоянии, жена молчала ... Роль денег в семье огромна. Как только деньги кончаются, у женщин появляются недовольства. Жили в нищете. Кроме пустых стен в квартире, что осталась от родителей, больше ничего не было. За год-полтора мы купили практически все: мебельную стенку, видеомagneфон, холодильник, стиральную машину «Веста»,

¹ Согласно региональной статистике, происходит сокращение средней продолжительности жизни в каждой возрастной группе, независимо от пола. Однако средняя продолжительность жизни мужчин достигла отметки 60,4, тогда как для женщин - 71,5 [8].

холодильник «Атлант», ковры, чернобурку, маленький телевизор... Все, что хотела она».

В этот период София печется не столько о психологической атмосфере семьи, сколько о материальном благополучии. Ее планы в первую очередь направлены на создание уютного «гнездышка», в желании одеваться хорошо, выглядеть привлекательно. Некоторые покупки не нравились Дмитрию. «Покупала всякую ерунду, безделушки всякие. Я бы их ни за что бы, ни купил». В конце концов он решил не вмешиваться. На приобретении той или другой покупки она настаивала различными способами, чаще – твердо и решительно, иногда – ласково и нежно. Когда знала, что в кармане мужа есть деньги, она не конфликтовала и занималась мягким вымогательством денег. «Все равно проплет» – был ее единственный довод. Выбранная Софией стратегия потребления была направлена на исполнение ситуационных желаний.

Вместе с тем происходит исключение мужа из круга семейных обязанностей и укреплений позиций в роли кормильца. Все ведение и организация домашнего хозяйства к тому времени легли на плечи Софии. «Он работает, я дома. Естественно, мне доставалось больше». Свою непричастность к домашнему труду и «состояние» после работы он компенсировал высокими доходами. Никто из них не задумывался, к чему приведет ее усердие и его отстранение от домашних дел, все казалось само собой разумеющимся. «Его вполне устраивало, что я сидела дома. Он приходил на все готовое. Я сама вытряхивала чуть ли не каждую неделю тяжеленные ковры... Муж стал чаще пить. Я не могла доверить ему даже, чтоб он взял ребенка с садика. Даже если мы договаривались, что он возьмет ребенка, я все равно пойду – на всякий случай. Он потом возмущался – зачем пришла, вроде как договаривались. А я ему не доверяла. Он вконец обленился».

Наконец, в 1994 г. София решила устроиться на работу. Сложно назвать это ее собственной инициативой, скорее на ее решение повлияло общественное мнение. «Муж не хотел, я колебалась. Родители мужа, особенно мать, напротив, считали, что я должна работать. Что это некрасиво, что женщина сидит дома. Она обленится, а еще хуже загуляет». Трудоустройством занялась свекровь. Благодаря своим прежним связям устроила Софию сестрой-хозяйкой в больницу.

За последние шесть лет семья не раз испытывала материальные трудности. Так, например, в 1997–1998 гг. София в течение длительного времени, как и многие работники бюджетной сферы, не получала своей заработной платы. В то же время ухудшилось финансовое положение на предприятии Дмитрия, а также снизилась возможность получения приработков. В феврале 1998 г. его месячный заработок составил 80 руб. «Наша работа сдельная. Одна тонна – один рубль. Когда нет работы – занимаемся ерундой: там поднеси, здесь прибери. А это работой не считается и не оплачивается. Поэтому когда мне начислили 80 рублей, я обругался, написал заявление и уволился». После увольнения он получил статус безработного в службе занятости. А для того чтобы избавиться от семейных конфликтов (как выразился сам респондент, от промывания мозгов) устроился продавцом на рынок. По его мнению, «все конфликты из-за денег». Претензии жены и сложная экономическая ситуация предприятия (низкая заработная плата, нерегулярность) выбивают почву из-под ног. Спустя 2 месяца его вновь приглашают на прежнее место на более выгодную и высокооплачиваемую работу.

К настоящему времени они до сих пор работают на прежних местах. София имеет стабильную заработную плату в размере 700 руб. С его стороны в семейный бюджет поступает заработок в размере 900 руб. и приработок около 1000 руб. Помимо этого он ежемесячно зарабатывает себе некоторую сумму, которую тратит на сигареты, пиво и другие спиртные напитки. Она недовольна мужем и не сразу

согласилась с тем, что муж является кормильцем: «Если бы он не пил, у нас бы была квартира (имеется виду благоустроенная), машина». Она предлагает мужу уволиться и найти более высокооплачиваемую работу, в то время как сама даже не задумывается о смене своего места работы. Она предпочла обратиться за помощью к государству и получить субсидии на оплату коммунальных услуг, электроэнергии, бесплатные обеды в школе на обоих детей. Кроме того, она сориентирована на получение доходов с дачного участка. Тогда как, по мнению Дмитрия, участок для семейного бюджета невыгоден. «В него надо вкладывать столько сил и энергии, прежде чем он начнет приносить реальные доходы». Отчасти с ним соглашается жена, но она видит в даче не только источник доходов, но и место отдыха. И с этим не соглашается Дмитрий, он ставит ультиматум, что не будет ездить работать на дачу. Действительно, он гораздо реже ездит туда, чем жена и теща, но когда приходит пора выполнять физически самую тяжелую работу, ему приходится помогать. Сейчас она раздумывает над тем, как бы приобрести сруб для дома, который стоит 2300 руб., но согласиться с мужем в невыгодности дачи не хочет.

Она так же, как и раньше, распоряжается доходами семьи и манипулирует мужем, с тем чтобы максимально получить его приработки. «Я знаю его слабинку. Я начинаю говорить, что дети не видят витаминов, что мы не покупаем молока, творога. После этого, смотрю, приносит молочное, колбасу».

Стратегическая роль жены проявилась и в образовании детей. Именно по ее инициативе они ориентированы на получение высшего образования: старший сын учится в Коми национальной гимназии, младший – в гимназическом классе обычной средней школы, ориентируясь к поступлению в вуз. Другой пример стратегического влияния жены – советы мужу уволиться с данного места работы и найти более выгодное.

Если раньше они проводили много совместных вечеров наедине, с друзьями, то теперь каждый из них живет в своем мире. Они не обсуждают проблем, не делятся ежедневными новостями и впечатлениями. София замечает, что он ушел в себя, молчит, что его не тянет домой. Она сожалеет и осознает свою вину в том, что не достаточно загружала его домашней работой. «Я, конечно, сама виновата, когда не работала, я его отстранила от всех дел, он приходил с работы на все готовенькое. Удобно и хорошо. Он знал, что придет и все дома будет. А сейчас некому мусорное ведро вынести. Почему он не хочет со мной обсудить проблемы, почему он молчит, хоть бы что-нибудь сказал. Может, что-то тебе сказал?» Она пыталась вывести внутреннюю жизнь мужа у меня, не зная, какие методы и способы применить, чтоб понять его и возродить тот эмоциональный климат в семье, который был в первые годы их супружеской жизни, но при этом не в ущерб себе. Она прекрасно осознает, как должен измениться он: больше внимания уделять семье, помогать справляться с хозяйством, не приходить домой пьяным. При этом она не готова изменить своим слабостям. Она любит компании друзей, с ними она проводит значительную часть времени, романтические семейные вечера ей скучны. Его, напротив, раздражают шумные компании. «Ты не представляешь, все праздники с друзьями, все выходные. Раньше дом вообще был как проходной двор, каждый вечер кто-то в гостях. Мы за все время, что расписаны, еще ни одного праздника не были вместе, только вдвоем. Мне не хочется уже всего этого. В бассейн с друзьями, на лыжи с друзьями (но это пусть, лыжи я не люблю), в спортзал с друзьями, на природу – опять с друзьями. Да лучше я вообще никуда не пойду». Независимо от желаний мужа она с уверенностью удовлетворяет свои капризы. А если что не нравится, применяет меры наказания: молчит, отказывает в близости, уходит из дому к друзьям, воздействует на него через детей. Она стала более

уверенной в себе и менее зависимой. Была ли она такой, если бы по-прежнему сидела дома? Домашняя работа не является единственным основанием ее властного статуса в семье. Дополнительные полномочия дает собственный заработок, даже являясь незначительным по сравнению с заработком мужа, он ведет к явному его подавлению.

Властная позиция женщины в ведении домохозяйства выталкивает мужчину из круга семейных обязанностей. Это изначально устраивает супруга, становится привычкой, которую впоследствии практически невозможно изменить. Женщины, вытесняя мужчин из семейного хозяйства, делают их недееспособными и зависимыми в домашних условиях. Иначе говоря, мужчины не знают, где лежат собственные носки, не говоря уже о пеленках ребенка. С каждым последующим годом супружеской жизни им все меньше хочется брать на себя лишние заботы. Свои недостатки мужчины пытаются компенсировать достойным заработком, однако в современных условиях выполнять «мужскую» функцию кормильца не просто. Со снижением материальных ресурсов мужчины женщины переходят в жесткую оппозицию.

Мария и Вячеслав: Исключение мужчины, или апогей женской власти [12]

Мария и Вячеслав встретились в Подмосковье, когда ей было уже 33 года, ему 29 лет. Мария работала ткачихой и имела годовалую дочь от своего первого мужчины. Вячеслав работал бульдозеристом, постоянно пребывал в командировках: две недели в Подмосковье и две недели в Коми. Он казался ей достойным мужчиной, поэтому после недолгих встреч она решила выйти замуж и родить еще одного ребенка. Помимо избавления от одиночества, комплекса отторгнутой женщины и статуса матери-одиночки, это было также и решение проблем экономического характера.

В 1988 г. родители Вячеслава получили для сына однокомнатную квартиру, поэтому вся семья переехала в г. Сыктывкар – для Марии город незнакомый, далекий и "слишком северный" (она родом из Казахстана).

Длительное время Мария находилась под опекой мужа, все экономические проблемы решались благодаря его занятости на производстве. Переезд в Сыктывкар лишь усугубил экономическую зависимость Марии: если на прежнем месте она получала 400 руб., то здесь она устроилась на низкоквалифицированную работу с заработной платой в 80 руб., нянечкой в детский сад, кроме того, она лишилась пусть и небольшой, но своей жилплощади, которую имела в Подмосковье. Однако в то время это ее мало беспокоило. Она имела семью, двух детей, мужа с хорошей заработной платой и надежды на получение квартиры большей площади от предприятия, где работал муж.

Семейные обязанности распределялись более чем традиционно. Все хозяйство лежало на плечах жены. Она не привлекала к выполнению домашней работы ни мужа, ни детей, а также самостоятельно распоряжалась доходами. Несмотря на то, что заработная плата мужа составляла основную часть семейного бюджета, он практически не принимал участие в его распределении. Уверенная в себе, она сама прекрасно знала, как потратить деньги: «Ну, я и сама вижу. Иногда в чем-то урежешь себя, купишь. Где-то отца спрашиваем, можно купить или нет, а где-то без его согласия, потому что я знаю, что надо это купить... Что там советовать: купила, принесла – показала. Конечно, обувь я без его примерки не могу купить,

тогда с ним. А что в дом, я сама все. Все сама решаю, все сама и покупаю». К своему заработку она относится более щепетильно: «Я получила, я ни у кого не спрошу. Куда хочу туда и потрачу».

Выдвигая требования к мужчине как к кормильцу, она полностью освобождает его от домашней работы. «Он глава семьи. Исполнок веков мужчина содержал семью. Это уже не первый год. Принято так. Из поколения в поколение такое идет. Раньше как – мужчины работали, а женщины были домохозяйками. Ведение хозяйства – это на женщине, а зарабатывать должен мужчина. Отец (муж) у нас всегда на работе, это он у нас сейчас дома, а так он на работе. Ему некогда об этом думать. Ему нужно, чтобы дома что-то было, чтоб пришел с работы обед был готов».

На рынке труда Мария чувствовала себя гораздо менее уверенно. В 1991 г. она попала под сокращение, после чего устроилась уборщицей в профтехучилище, и, несмотря на то, что впоследствии у нее появилась прекрасная возможность повысить свой профессиональный статус (благодаря законченным бесплатным курсам продавцов), она по-прежнему работает уборщицей.

Слава гораздо чаще менял рабочие места, как правило, с целью заработать деньги. Хотя мог бы не работать: уже с молодости он страдает хроническим заболеванием костей, и врачи неоднократно предлагали выйти на инвалидность. Но страх перед тем, что он утратит способность конкурировать на рынке труда, заставляет каждый раз отказаться от этой возможности.

В марте 1999 г. он попал под сокращение и полгода не работал, состоял на учете в службе занятости. С потерей работы перераспределения семейных обязанностей не произошло. Он по-прежнему считает, что в женские дела ему соваться незачем, позволяя себе, проголодавшись, лишь приготовить обед. Его основное занятие – лежать на диване, читать газеты и курить сигареты. Более того, сама Мария считает, что в домашней сфере ему не чем заняться: «Ну, потому что... ну, что здесь делать». Она не привлекает к домашнему труду и детей. «Пусть лучше учатся. Поменьше гуляют и побольше учатся».

Потеря мужем статуса кормильца отразилась на внутрисемейных отношениях. «Сейчас, конечно, стали хуже. Я чаще срываюсь, так как нет денег. Он огрызается и уходит к матери. С ней делится своими проблемами. Мать срывает зло на мне. С ней у нас тоже отношения испортились, тоже сейчас плохие. Она обвиняет меня в невнимательности к мужу. Я б не сказала, что ему хорошо. Ему тоже плохо. Он ищет работу, ищет, но не может найти. Он мучается тоже, конечно. Ну, ходит здесь, вот с этими алкашами. А если с ними, значит, и в бутылочку заглядывает, от безделья. Прихожу домой – пьяный». Как ни парадоксально, но чем хуже ситуация, тем больше мужчина начинает пить и уходит в себя, вырабатывая в себе «мужской иммунитет» – не слышать женщин и не обращать внимания на упреки. Основной принцип самозащиты – «поорет и перестанет». Достаточно часто это приводит к иждивенчеству мужчины, особенно если он сохраняет за собой важный экономический ресурс (например, жилье). Однако, по всей видимости, у Вячеслава «мужской» иммунитет не был выработан в полной мере к тому моменту, когда жена назвала его дармоедом. Унижениям он предпочел уход к матери, оставив квартиру жене и детям. Но он остается основным квартиросъемщиком. Официально они по-прежнему муж и жена. Она уверена, что при ее желании он непременно вернется: «А куда он денется?»

В то же время она совершенно вымотана такой жизнью: «Если честно сказать, мне уже ничего не хочется, мне это уже все надоело. И не только семейные отношения, а вообще эта жизнь надоела» С потерей «кормильца» она вынуждена была взвалить на себя «мужскую» функцию: работает на три ставки уборщицы, получая всего 750 руб. Перед ней был выбор либо вернуть мужа в семью, что возможно

только в случае его способности зарабатывать, либо самой найти более оплачиваемую работу. Мария приходила домой поздно вечером и практически не видела детей. Они впервые оказались привлечены к выполнению домашних обязанностей и даже устроились на временную работу в период летних каникул.

Мария рассказывает: «Сейчас мать говорит, что он совсем от рук отбился, ничего не делает. Пить он стал много, еще больше. Дома перестал ночевать». Тем не менее пять месяцев назад он устроился на работу бульдозеристом. Его заработная плата около 3000 рублей, но выплачивается пока нерегулярно и не в полном объеме. Те деньги, которые он получает, в основном пропиваются. Его трудоустройство отразилось на материальном положении «бывшей» семьи: совокупный семейный доход оказался значительно выше установленного государством прожиточного минимума, в результате чего семью сняли с учета в органах социальной защиты и соответственно отказали в помощи в виде жилищных субсидий и бесплатного питания в школе. В настоящее время долг по оплате жилья ежемесячно растёт, поскольку Мария не находит возможностей изыскать средств для его оплаты. Она отказалась от поиска более доходного места работы и вновь ориентирована на помощь мужа.

Мужчина, брошенный в свободное плавание, часто катится по наклонной плоскости. При встрече он заявил: «Мне ничего не нужно. Я сейчас никому не нужен... Когда-то я ей был нужен. Когда я зарабатывал больше, она не была такой, вообще ничего не могла сказать. Как перестал, так она сразу стала наезжать на меня и всегда ставит в упрек. Я себя, конечно, чувствую ущемленным, а что поделаешь, жизнь сейчас такая. Не нужен стал, когда стал безработным. Некоторое время вы, конечно, молчите, потом терпение лопает – я понимаю, семью кормить надо. Сейчас я работаю, но у нас задержки. Что будет, будем ли мы вместе – не знаю, мне есть куда сунуть голову. Я сейчас никому не нужен. Я сам во всем виноват».

Потеря семьи часто оказывает на мужчин пагубное влияние: зачастую они спиваются, жизнь теряет для них смысл. За короткое время вместе с материальными благами они теряют все наработанные прежде социальные характеристики, поскольку не способны управлять домашними делами, вести их самостоятельно и поддерживать статус.

Одна из особенностей российской занятости в период трансформации заключается в том, что впервые после многих десятилетий гарантированного права на труд и всеобщей занятости население столкнулось с утратой стабильного источника обеспечения через рабочее место. Это сопровождается массовой депрессией и фрустрацией, потерей уверенности в завтрашнем дне, как у мужчин, так и у женщин. Причем чем глубже и продолжительнее погружение женщин в семейные заботы, тем сложнее им вернуться в состояние оплачиваемой занятости и, наоборот, чем больше мужчины концентрируют свое внимание на производстве, тем сложнее им вернуться в семью. Не случайно наши респонденты считают, что для мужчины более трагично потерять работу, и не только потому, что за ним обществом закреплена роль кормильца, но и потому, что за ним не закреплено никаких других обязанностей.

Сергей и Наташа: Мужчины как хозяин [13]

Распределение ролей в семье может складываться иным образом, чем в представленных выше примерах. Все семейные мероприятия могут осуществляться совместно, если каждый несет ответственность и обязанности перед семьей. Такие отношения описываются как взаимопомощь и сотрудничество во всех сферах жизни. Мнение каждого из супругов авторитетно. Подобный вид отношений называют симметричным [6].

Отношения Сергея и Наташи существенно отличаются от отношений ранее описанных пар тем, что они смогли сохранить психологический комфорт, несмотря на принадлежность партнеров к различным социальным группам.

В настоящее время Сергею – 36 лет, Наташе – 32 года. Они имеют сына 10 лет и дочь 3 лет. Сергей после окончания школы получил специальность электрика, Наташа – высшее педагогическое образование. Свои отношения она зарегистрировала в 1988 г. Сергей к тому времени работал в строительной организации, она училась на третьем курсе. Его первая работа сопровождалась частыми командировками и оказалась неудобной при создании семьи, поэтому он перешел на механический завод с меньшими заработками. В то время это не отразилось существенно на материальном положении семьи. В 1991 г. экономическое положение на предприятии начало ухудшаться: начались простои, снижение реальной заработной платы, которая к тому же перестала выплачиваться регулярно. В 1992 г. условия работа на данном предприятии стали невыносимыми, поэтому как только ему предложили перейти электриком в жилищно-коммунальное хозяйство, он, не задумываясь, согласился.

Самый сложный период пришелся на 1996–1997 гг. В то время заработная плата не выплачивалась вовсе. Позже стали выдавать авансы по 100–200 руб. и продукты питания. Такая ситуация сохранялась вплоть до первого этапа исследования. Сейчас, хотя ситуация на предприятии несколько стабилизировалась и заработная плата начала выплачиваться, она, по мнению Сергея, остается низкой. Вместо 2000–2500 руб. ему хотелось бы получать не менее 4000 руб. Тем не менее увольняться он не собирается, мотивируя это тем, что, во-первых, на других предприятиях ситуация еще хуже, во-вторых, посменным графиком, который позволяет совместить работу на производстве и дома. И, наконец, последним оправданием оказывается привычка советского прошлого: «Просто я привык здесь, я не люблю бегать с места на место».

Наташа после окончания института год была в отпуске по уходу за ребенком. В 1991 г. она устроилась воспитателем в детскую республиканскую больницу, затем в 1992 г. перешла в школу преподавателем. В 1994 г. у нее появилась возможность устроиться на очень выгодную работу – контролером-кассиром в Сберегательный банк «Русский дом Селенга». Как выразилась Наташа, «манила высокая заработная плата». Она прекрасно осознавала, что данное место работы может оказаться недолговременным. Уже в 1995 г. банк обанкротился, и она осталась без работы. Наташа могла бы вернуться в школу, но она понимала, что в то время выгоднее было оставаться безработной¹. В 1996 г. она вернулась в школу. В 1997 г.

¹ Вступивший в силу 1994 г. закон предусматривал выплаты пособия в размере 75, 60, 45 % от средней заработной платы последнего места работы в течение года соответственно трехмесячному периоду учета в службе занятости. Более того, в

родила дочь. Это был наиболее тяжелое в материальном плане время. Возвращение на работу уже через год было одной из наиболее перспективных возможностей улучшить материальное положение семьи. Сейчас она продолжает работать в школе, ее заработная плата 1100 руб. Помимо работы она занимается репетиторством и имеет дополнительный доход примерно 300 руб. Размеры заработной платы и приработка не устраивают ее, поэтому она озабочена поисками более высокодоходной работы. В отличие от мужа, который боится часто менять работу, она ведет себя на рынке труда более активно и уверенно. В течение длительного времени ее доходы были в семье основными.

Симметричные отношения, сложившиеся в семье, вовсе не означают действительного равноправия [3, 15]. Часто разделение домашних обязанностей на «женские» и «мужские» остается неизменным, и в данном случае мы видим традиционные патриархатные отношения. Специфика частного дома без удобств сохраняет за мужчиной необъятные «мужские» обязанности. Немаловажную подпитку семейному бюджету дает приусадебное хозяйство. Жизнь в подобных домах без мужчин тяжела. Их обязанности столь же ежедневны и столь же необходимы в семье, как и женские. В результате значимость мужчины в домашнем хозяйстве возрастает, но это вовсе не означает, что он освобождается от роли кормильца.

Несмотря на взаимное распределение ответственности по обеспечению семьи, ведению хозяйства, патриархатные ценности сохраняются. Так, потеря работы мужчиной расценивается следующим образом: «Мужчине тяжелее это переносить. Потому что он же должен денежку принести. Это и моральные, и материальные трудности. Женщина, в общем-то, домохозяйка, если она домохозяйка, то и нормально, а если мужчина... Что он, домохозяин? Если мужчина ее обеспечивает, почему бы нет. А ему чисто психологически тяжелее, если он не может прокормить семью, да еще дома сидит. У мужа голова болит, где бы денег побольше принести. А за ведение хозяйства больше жена. Она более ответственный человек».

Между тем сама жена придерживается иных принципов, более демократичных и считает, что «за обеспечение семьи должны отвечать оба супруга. Одному это не под силу. И за ведение хозяйства должны отвечать оба».

Так же, как в предыдущих случаях, ведущая роль в организации домашнего хозяйства принадлежит ей, она же определяет включение мужа в семью. «Я стараюсь строить наши отношения на взаимоуважении, стараюсь его поднять в глазах. Глядишь, и он уже увереннее себя чувствует. А потом – у него есть поле деятельности, я туда свой нос не сую – пусть что хочет, то и делает... Иногда надо и слабостью повлиять. Это так должно быть. Даже чисто физически. У нас соседка все взвалила на себя, все на свои плечи. Муж ничего не умеет делать. Он на нее надеется. Он так и живет. А Галка сделает. А Галка что-то делает. А Галка баню

тот период работу предлагали согласно профессии ставшего на учет, с заработком не менее получаемого пособия. Государственные выплаты оказались настолько щедрыми по отношению к безработным, что привели к резкому росту официальных безработных. В результате он рассматривается некоторой частью населения не только как способ материальной поддержки со стороны государства, но и как средство извлечения прибыли. В данном случае устройство на работу повлекло бы снижение дохода, т.к. размер начисляемого пособия в течение года был гораздо выше, чем размер заработной платы на работе, куда бы мог устроиться респондент. Безработное состояние с доходным пособием позволяло заниматься своими делами, мало заботясь поисками работы. В апреле 1996 г. особым приказом Президента РК закон о выплате пособий был откорректирован в сторону ужесточения.

затопила. А он даже то не умеет сделать, что вроде мужчина как раз и должен делать. У него все Галка делает и с техникой и электричеством. Я тоже могу принести воду, но я не пойду. Я тоже могу дрова занести, но нет... Если бы я жила в благоустроенной квартире, я загрузила бы сразу же, моментом. Вплоть до полоскания белья, пока бы не купил стиральную машину».

У каждого из супругов свое поле деятельности в домашнем хозяйстве, направленное на его поддержание и обустройство. Как только устанавливается некий порядок распределения обязанностей, он воспроизводится автоматически на повседневном уровне. Именно таким образом характеризует Сергей ситуацию в семье: «Да у нас как-то самостоим, кто чем хочет, тот тем и занимается. Захотелось – поработал, захотелось – полежишь. Никто никого не подгоняет».

Они также совместно обсуждают расходы и доходы семьи: «Мы обсуждаем... что-то большое покупаем, то обсуждаем, купить или не купить. Уже заранее думаем, если купим, как мы будем жить». Он прекрасно осведомлен, куда и сколько потрачено денег. Он сам рассуждает, как заправская хозяйка: «Еду надо каждый день покупать, в магазин идешь – стельника нет. Ну, в среднем скромно, рублей 50. В основном все деньги ушли на еду, за свет заплатили, за телефон заплатили, и все, денег не осталось». И как бы его «мужские гены» не сопротивлялись необходимости ухода за ребенком, он включен и в эти обязанности: «Да я лучше копать буду землю, чем с ней (с дочерью) сидеть, не привыкший я, в генах, должно быть, это. Я занимаюсь, и она (жена) занимается, я нянчусь постоянно, целыми днями сейчас».

График работы мужа позволяет жене активнее использовать профессиональные ресурсы: в свободное от работы время она занимается репетиторством на дому. Он большую часть времени тратит на работу по хозяйству и мало активен в поисках приработков. Влияние жены на стратегию мужской занятости проявляется в ее оценке возможностей и последствий высоких заработков: «В командировках спиваются быстро, а там уж в какую компанию попадешь». Командировки, по ее мнению, связаны с высокими доходами. Но она не ориентирует мужа на такого рода работу, чтобы сохранить его для семьи: для нее гораздо важнее его включенность в семью.

Домашняя активность мужа прекрасно проявляется в осведомленности в проблемах семьи. То, насколько хорошо он владеет ситуацией, проявляется в его планах: «Баню надо делать!!! Не знаю, как получится, это всё зависит от финансовых вопросов. Планы большие, всё надо строить, всё надо... обустраивать. Жилье своё обустраивать». Жена: «Теплицу хочешь большую поставить». В отличие от других респондентов-мужчин, которые зачастую формулируют свои планы весьма и весьма абстрактно и, как правило, вне семейного производства, Сергей концентрирует свое внимание в сфере домашней экономики, что позволяет ему себя чувствовать не только кормильцем, но и хозяином, оставляя лидерство за женой.

Каждый из супругов при смене работы ориентируется на совмещение стабильного высокого заработка и гибкого графика работы, который бы обеспечил наиболее полное участие в семейных делах. Во многом такая стратегия – это заслуга женщины, понимающей, что чем активнее она будет втягивать мужчину в хозяйство, тем более хозяйственным, заботливым и семейным он будет, а следовательно, проявит себя как хозяин.

В условиях постоянных изменений важно видеть множество сфер приложения своих сил. Если у человека существует единственный способ реализации, ему сложнее справиться с кризисной ситуацией. Если же он

видит много возможностей, он легче переносит жизненные трудности. Исследование «Жизненные стратегии населения и новые формы занятости», проведенное весной 1998 г., показало, что мужчины практически освобождены от семейных обязанностей. Их излюбленными обязанностями остаются починка мебели (85,4 %), ремонт квартиры (62,2 %). Как правило, это не требует ежедневного кропотливого труда. Среди каждодневных обязанностей наиболее регулярными для семейных мужчин являются закупка продуктов питания (18,3 %) и мытье посуды (10,7 %)¹. В нашем исследовании мы также не обнаружили перераспределения семейных обязанностей, если же таковое иногда и просматривалось, оно носило временный характер и даже в этом случае значительная часть ответственности за семью оставалась за женщинами.

Заключение

Социальные перемены не привели к распаду традиционных представлений о мужских и женских ролях, к созданию партнерских отношений. Выделенные типы практик семейного взаимодействия – своего рода идеотипы, которые еще раз подчеркивают существующую социальную практику полового разделения труда: отождествление женщины с семьей и ролью домохозяйки, а мужчины – со сферой труда и ролью кормильца. Тем самым наследуется советская модель двойного кормильца, в которой мужчины выступали ответственными за обеспечение, а женщины дополняли усилия партнера по содержанию семьи. Женщины продолжают контролировать домашнюю сферу. Теперь в их обязанности входит еще и отвечать за сохранение (повышение) прежнего уровня жизни семьи. Господствующие традиционно-патриархальные взгляды подталкивают женщин к использованию мужчин как инструмента в их жизненных стратегиях, источника доходов для реализации своих планов. При этом продолжается выталкивание мужчин из сферы домашнего труда. Понятно, что для сохранения своих позиций в семье мужчины нуждаются в хорошей оплате. Однако уравновесить баланс семейных потребностей и материальных возможностей для изучаемой категории населения в нынешних условиях практически невозможно. Поэтому даже успешные кормильцы, испытывая недостаток значимости своей роли в семье, зачастую опускаются и спиваются, в особенности если этому благоприятствует социально-экономическая среда.

Ограниченные возможности для выполнения роли кормильца приводят к потере мужского авторитета и лидерства в семье и одновременно к

¹ Использована база данных исследования «Новые формы занятости и стратегии выживания семей в переходной экономике» (апрель-май 1998 г.), проведенного сотрудниками Института сравнительных и трудовых отношений (ИСИТО) под руководством С.Кларка (Уорвикский университет, Великобритания). Финансирование проекта осуществлялось Департаментом Международного развития Великобритании (DIFD) и Британского Совета Экономических и Социальных исследований (ESRC).

росту женской активности в сфере производства и домашнего труда. Такая ситуация, хотя и наделяет женщину дополнительными полномочиями и властью в частной сфере, но, как правило, не способствует решению материальных проблем семьи. Более того, женское доминирование в организации и обеспечении семьи ведет к исключению мужчины из важных сфер семейной организации, существенному снижению мужской ответственности и, наконец, к привычному отчуждению от семейных забот. Исключение мужчины сопровождается упреками жены. Сохраняя чувствительность к собственному достоинству, мужчины пытаются сохранить статус кормильца и гораздо реже добровольно включаются в сферу домашнего труда.

1. Ashwin, S. (1999) 'Russia's saviours? Women workers in transition from communism' in M. Neary (ed.) *Global Humanisation: Studies in the Manufacture of Labour*, London and New York: Mansell: 97 – 126.
2. Ashwin, S. and Bowers, E. (1997) 'Do Russian Women Want to Work?' in M. Buckley (ed.) *Post-Soviet Women: From the Baltic to Central Asia*, Cambridge: Cambridge University Press: 21 – 37.
3. Bott E. *Family and Social Network*, London: Tavistock Publications, 1971; Harrell-Bond B. *Conjugal Role-Behaviour Human Relations*, 1969, 22. P.77-91; Platt J. *Some Problems in Measuring the Jointness of Conjugal Role-Relationships*. *Sociology*, 1969, 3, P.291; Toomey D.M. *Conjugal Roles and Social Networks in an Urban Working Class Sample*. *Human Relations*, 1971, 24. P.417-31.
4. Burawoy and Krotov and Lytkina: «Domestic Involvement: How Women Organize Survival in a North Russian City». In Victoria Bonnell and George Breslauer (eds.) *Russia in the New Century* (Boulder, Co.: Westview Press), 231-257, 2000; Burawoy and Krotov and Lytkina: «Involvement and Destitution in Capitalist Russia» *Ethnography* 1(1): 43-65, 2000.
5. Funk, N. 1993. 'Feminism East and West' in N. Funk and M. Mueller (eds.) *Gender Politics and Post-Communism: Reflections from Eastern Europe and the Former Soviet Union*, New York and London: Routledge: 318 – 330; Lissyutkina, L. (1993) 'Soviet Women at the Crossroads of Perestroika', in N. Funk and M. Mueller, *Gender Politics and Post-Communism: Reflections from Eastern Europe and the Former Soviet Union*, New York: Routledge: 274 – 286; Pilkington, H. 1992. 'Behind the Mask of Soviet Unity: Realities of Women's Lives', in C. Corrin (ed.), *Superwomen and the Double Burden: Women's Experience of Change in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union*, London: Scarlet Press: 180 – 235.
6. Young M., Wilmott P. *The Symmetrical Family*. New York: Pantheon, 1974.
7. Гордиенко А.А., Пошевнев Г.С., Плюснин Ю.М. Структура поведения бедного // Социологические исследования. 1996. № 11.
8. Женщины и мужчины РК // Стат. сб. к научно-аналитической конференции «Человек на Север: условия и качество жизни». Сыктывкар, 1998. С. 29-31.
9. Хоткина З. Женская безработица и неформальная занятость в России // *Вопр. экон.* 2000. № 3. С.88.
10. Занятость и поведение домохозяйств: адаптация переходной экономики России / Под ред. В. Кабалиной и С.Кларка. М., 1999.
11. Интервью 4-45, 20.08.1999, 31.03.2000, 31.09.2000.
12. Интервью 4-53, 29.09.1999, 10.03.2000, 29.10.2000.
13. Интервью 4-59, 4.10.1999, 30.03.2000, 3.10.2000.
14. Киблицкая М.В. Исповеди одиноких матерей. М., 1999.
15. Тартаковская И.Н. Социология пола и семьи. Самара, 1997. С.102, 103.